
Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 19–29.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 4 (127), pp. 19–29.

Научная статья
УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>
<https://elibrary.ru/gmwksq>

Мнемонический потенциал литературной календарной поэзии (на примере русской лирики)

Сергей Викторович Жилияков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Старооскольский филиал),
Старый Оскол, Россия
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. В статье предлагается изучение мнемонических особенностей литературной календарной поэзии в русской лирике посредством выявления типологических характеристик поэтики произведений, входящих в ее состав, среди которых основополагающую функцию выполняет циклический принцип репрезентации художественного времени, подражающий, а значит и воспроизводящий в памяти аграрно-ритуальный распорядок бытия архаического человека, соотносящегося с природной сменой сезонов. Выясняется, что он же обуславливает тематическое обращение к феномену прапамяти – единому мнемоническому истоку бытия, что находит конкретное отражение в поэтике повторов, наглядно представляющих собой круговорот смысла.

Ключевые слова: жанр, литературная календарная поэзия, поэтика, принцип цикличности, мнемонический

Для цитирования: Жилияков С. В. Мнемонический потенциал литературной календарной поэзии (на примере русской лирики) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 4 (127). С. 19–29. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>; EDN: GMWKSQ

The mnemonic potential of literary calendar poetry (using the example of Russian lyrics)

Sergey V. Zhilyakov

Belgorod National Research University (Stary Oskol branch),
Stary Oskol, Russia
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article proposes to study the mnemonic features of literary calendar poetry in Russian lyrics by identifying the poetics typological characteristics of the works included in its composition, among which the fundamental function is performed by the cyclic principle of representation of artistic time, imitating, and therefore reproducing in memory the agrarian-ritual routine of being an

© Жилияков С. В., 2025

archaic person, consistent with the natural change of seasons. It turns out that it also determines the thematic appeal to the phenomenon of primordial memory – a single mnemonic source of being, which is specifically reflected in the poetics of repetitions, which clearly represent a cycle of meaning.

Keywords: genre, literary calendar poetry, poetics, the principle of cyclicity, mnemonic

For citation: Zhilyakov S. V. The mnemonic potential of literary calendar poetry (using the example of Russian lyrics). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 4 (127), pp. 19–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-2>; EDN: GMWKSQ

Введение

В современном отечественном и зарубежном литературоведении не так много трудов посвящено литературной календарной поэзии (далее – ЛКП) в сравнении с ее генетическим предшественником – фольклорной календарной поэзией. Л. В. Флёрко рассматривает ЛКП и ее основополагающий календарно-циклический принцип строения в качестве способа «эстетического и философского познания мира»¹, что свидетельствует о наделении ЛКП самостоятельным статусом жанровой организации, поскольку, согласно М. М. Бахтину, жанр есть модель «видения и понимания действительности»². Б. П. Иванюк, применяя сравнительно-типологический подход, выявляет основные параметры ЛКП – тематические и функциональные, ее отличительные от фольклорной календарной поэзии характеристики, выделяет специфические форматы – миметический, символический, религиозный³, что способствует более целостному восприятию данного вида лирики. Однако существенно дополнить научное понимание и эстетическое представление о феномене ЛКП поможет исследование присущего ей специфического атрибута – мнемонического потенциала, заложенного в ЛКП с момента ее происхождения, впоследствии дополненного и расширенного авторами. Извлечение мнемонической составляющей ЛКП позволит гипотетически восстановить архаические смыслы или прикоснуться к жанровой архаике, выявить скрытые структурно-семантические особенности ее поэтики.

Основная часть

Человек, включенный в систему аграрно-культового цикла, невольно переносит во все сферы своего бытия тот закономерно повторяющийся принцип круговорота, который становится для него смыслом организации быта, даже объективной реальностью, иногда удручает невозможностью выхода из ее циклообразной экзистенции, одиозной по сути. Как пишет Е. Н. Трубецкой, «с тех пор как человек начал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга... В аду все вечное повторение, не достигающая конца и

¹ Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 138.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963. С. 181.

³ Иванюк Б. П. Календарная поэзия: словарная версия // Филологос. 2016. № 3 (30). С. 21–27.

цели работа»¹. Иногда, как и в природе, круговое вращение обнадеживает своим оптимизмом: «Эта жизнь, которая упорно утверждает себя в борьбе со смертью и периодически возрождается среди мировой разрухи, самую настойчивостью своего повторения утверждает свою непоколебимую веру в окончательную победу»². В этой связи эстетическое сознание, миметическое по своей природе, стремится воспроизвести соотносящиеся с данным природным циклом доступные ему представления, воплощенные во многих художественных формах. Одной из таких форм является ЛКП.

ЛКП в определенной степени представляет собой эстетическую трансформацию той части художественной литературы, которая связана с дидактическим эпосом, чья традиция восходит к «Трудам и дням» Гесиода (Древняя Греция, ок. VII в. до н. э.) и имеет «домостроительную» номинацию, поскольку в ней поучительное начало контекстуально обусловлено состоянием природы. Она регулирует хозяйственно-трудовую организацию времени, которое структурируется согласно календарно-обрядовому и космическому представлению о порядке как состоянии гармоничной размеренности бытия.

Учитывая, что календарная поэзия в своей тематической установке подражает отретированному в человеческом опыте восприятию постоянно повторяющегося из года в год календарного цикла, соразмеренного с ритуальным круговоротом, в ней предсказуемо присутствует коллективная память, на непререкаемый опыт которой в древности опирается община. Циклическая (оборотная) репрезентация времени, легшая в основу данного феномена коллективной памяти, является характернейшим признаком ЛКП, чья универсальность способствует ее широкому распространению в мировой литературе разных исторических периодов³. Это обстоятельство говорит о ее несомненной типологии. Сам факт частоты использования в репертуаре форм художественной литературы ЛКП, особенно приходящийся на XIX–XX вв., может быть продиктован спецификой становления национального самосознания, вынужденного по необходимости обращаться к истокам исторического прошлого с целью понимания его эстетических первооснов, складываемых в условиях естественной простоты. «Использование в лирическом циклообразовании такого древнейшего архетипа, как годичный природный круг, смена времен года является одной из важнейших особенностей художественного мира многих поэтов (А. Пушкин, Ф. Тютчев, Абай, И. В. Гёте, Г. Гейне, Вяч. Иванов, А. Блок, С. Городецкий, Б. Пастернак, Ю. Левитанский и др.)»⁴, – пишет Л. В. Флёрко.

Восприятие реверсивности смены сезонов, соотносящееся с представлением о непрерывном круговороте времени человеческого бытия, предполагает наличие аналогичного (циклического и повторяющегося) состояния организации памяти в

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. С. 43.

² Там же. С. 102.

³ Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сборник научных статей в 2 ч. Ч. 1. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017. С. 95–104. EDN: ZHUGWT

⁴ Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 134.

поэтике произведений ЛКП, собранных, как правило, по подобию с данным представлением в стихотворный цикл или иное макротекстовое образование (сборник стихов, книга стихов) с обязательной ротацией темы. Так, ЛКП, к примеру, представлена такими поэтическими циклами, как «Времена года» (1975) Е. Спасского, «Времена года» (2008) Е. Коновалова; книгами стихотворений – «Поверх барьеров» (1917) Б. Пастернака, «Времена года» (2022) Л. Новиковой и др. Наглядным и потому симптоматичным приемом организации времени и памяти в календарной лирике становится поэтика повтора, помогающая запечатлеть значимые детали описания. Приведем яркий пример демонстрации анафорических синтаксических конструкций из цикла стихов «Из природы» (1898) К. К. Случевского: «И день намного стал длинней, / И небо дальше синей... / И первый виден мотылек, / И первый беленький цветок, / И полон первых песен лес, / И солнце... и “Христос воскрес!”» («Животворящий блеск весны...»)¹. Кроме того, в орбиту своей концептуальной основы ЛКП втягивает особый феномен прапамяти, который представляется исследователями как «та невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственными духовно-вещественными основами бытия»². Прапамять в качестве особых закровов прошлого обнаруживает себя как неисчерпаемая и оттого пребывающая в памяти идея перманентной повторяемости всего, что уже раз произошло. Мнемоническая основа прапамяти склоняет произведения ЛКП к тому, чтобы быть представленной, в частности, жанрами, не имеющими прямого тематического пересечения с мнемоническим заданием. В этой связи известны «Зодиак» (1912) А. Скалдина (XIX–XX), представленный мемориально-поминальным циклом элегий с характерным для него подзаголовком «Памяти Н. К. Чурляниса»; «Баллады о временах года» (1976) Лии Владимировой (Юлия Дубровкина) и т. д. Назовем такое свойство ЛКП полижанровостью, под которой понимается характеристика, присущая разнообразию жанрового состава представленного вида поэзии.

Кроме того, ЛКП вполне комфортно сосуществует с иными группами жанров, разделяя с ними структуру одного текстового поля. Например, в цикл стихов «Нескучный сад» (1916–1922) Б. Пастернака вписывается ЛКП, композиционно репрезентируемая четырьмя произведениями, соотношенными с соответствующими временами года, каждое из которых имеет в своем составе по пять стихотворений. Уже *a priori* снабженная памятью о сменяемости сезонов в годичном цикле, организуемой природным ходом бытия, она конституирует добавочную семантику памяти при помощи снабженных реминисцентными свойствами названий, генерирующих интертекстуальные связи. Так, первая часть «Зимнее утро» нацеливает на воспоминание одноименного пушкинского послания; «Сон в летнюю ночь» воспроизводит в воображении шекспировскую комедию с аналогичной номинацией, претворяющей визионерский мотив. Но самое главное, произрастая из древних ритуальных представлений о смене времен в рамках календарного года, ЛКП, отражающая в своей

¹ Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. С. 134–135.

² Мальцев В. Ю. Иван Бунин: 1870–1953. Москва: Посев, 1994. С. 10.

поэтике разными способами циклическое мировидение, имеет лирического героя, имплицитно представленного в образе шамана, жреца – отправителя культа наблюдения за природной динамикой. Для этой роли используется субъект-визионер, чье поведение согласуется с функцией ритуального посредника между мирами – медиума, который вещает о состоянии мира, растворившись в грезам: «...*Виденья*, обратно! / *Память*, труби отступенье к портерной!»¹. Как и в ритуале прорицания, где все проникнуто сновидением, окутано и поглощено им, субъект-визионер находится как бы на границе яви и виртуальности, о чем в стилизующей заклинательно-исповедальную модальность речи признается он сам: «Есть *сон* такой, – не спишь, а только *снится*, / Что *жаждешь сна*; что дремлет человек, / Которому сквозь *сон* падит ресницы...»². После летней поры, которая сопряжена с семантикой урожайности, наполненной вегетативной энергией, наступает покой осени, завершающий цикл и останавливающий движение памяти: «*Покой разлился*, и настолько безлюдный, / *Настолько беспмятно* звонкий *покой*»³. Он и здесь имеет магический подтекст: субъектный образ в лице жреца-оракула (шамана, пророка) впадает в состояние гипнотического сна, как бы выключается из внешнего мира и символически замирает⁴. Однако в мире универсального синкретизма, в который помещен лирический герой, время сна амбивалентно пробуждению, ассоциируется с ним, поэтому субъект настолько прозревает снова от погружения в сон лета, что оказывается способным далеко видеть, наделенный особыми мистическими способностями наблюдать («И стало *видать так далеко*, так трудно... Смеркалась даль»⁵) и выражаться о наблюдаемом метафорически, подобно провидцу, оракулу: «И день сгорал, давно остановив / Часы и кровь в мучительно великом / Просторе долго, без конца горев...»⁶. Лирический герой с претензией на функцию избранника-провидца – «Я вишу на пере у творца...»⁷ – подчеркивает дополнительно к сказанному мифопоэтику всего цикла, обеспечивающего воспроизведение в памяти ритуализированного процесса годового обсерваторного наблюдения за природными явлениями.

Таким образом, в ЛКП Пастернака представлена мифологема памяти, воспроизводящая предположительный архетип лирического субъекта в функции жреца (синонимы – пророк, звездочет, провидец, оракул и т. д.), который сквозь призму собственной оптики видит мир, его преображая. Для этой цели используются реминисценции, конституирующие межтекстовую мнемоническую связь, входящую в сопряжение с миметической памятью, озаменованной подражанием принципу организации годового аграрного цикла, репрезентирующим в свою очередь вегетативные

¹ Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 152.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 154.

⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Академический проект, 2001. С. 144–149.

⁵ Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 154.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Там же. С. 151.

метаморфозы, выраженные образами природных явлений и их экзистенциальных эквивалентов: весна – жизнь, осень – смерть и т. д.).

Сказанное распространяется на весь спектр ЛКП. Поскольку ей присуща еще одна очень важная особенность, а именно – выступать способом реставрации в памяти народных представлений, связанных с устойчивыми образами времен годичного цикла, то в ней можно встретить множество ментальных ассоциаций, рассыпанных в единой системе календаря. Лирический герой предстает в образе мудреца от народа, его роль сродни литературным обязанностям, которые на себя принимают авторы дидактических поэм, составляющих «домостроевский» метажанр мировой литературы (Гесиод в «Трудах и днях», Вергилий в «Георгиках» и т. д.).

Нередко в ЛКП бывает так, что народность, отлитая в поговорках и пословицах («Обнимай да не замай»; «Июль – верхушка Лета...»), мифопоэтика, космология составляют тот образный остов, на который органично накладывается мироощущение изменений календарного времени, воплощенное в православно-народном календаре праздников, оформленное и выраженное в разнострофии. Они и определяют поэтику цикла «Тринадцать лун» (1907) в сборнике «Хоровод времен» К. Бальмонта. В тринадцатом стихотворении-гимне, где славословится Год, приводящий все времена в вечный круговорот, подытоживается: «*Да* славится Тринадцатый, / Кем жив наш хоровод! / *Да* славится Тринадцатый, / Круговозвратный Год!»¹. Объединяющим началом цикла является уже знакомый субъект-визионер, который берет на себя функцию распорядителя и устроителя календарного времени, фиксирующего состояния космического миропорядка, соотраженного в природе, представленного в «пейзажных репродукциях, а также зодиаком»². Память об этом мистическом образом сохраняется и передается всему художественному целому. Причем, мнемоническая трансляция смысла усиливается через анафорические частицы, реанимирующие лирическую ситуацию заклинания. Символическое сознание же самого поэта-визионера, организующего оркестр звучаний стихотворных смыслов, увязывает все воедино (это манифестируется в стихотворении «Среди видений»: «Есть миг в часах, когда все мысли кротки, / И вьет ум рассыпанные четки»³) человеческий, природный и надприродный (трансцендентальный, метафизический, нозматический) миры, каждому из которых соответствует свое амплуа, синтезируемое в единстве аналогичной трехипостасной репрезентации лирического «я».

В ЛКП А. А. Фета (цикл «Весна») лирическое «я» устанавливает с миром природы мистическую связь, словно воскрешая память о тех временах, когда поэт был наделен функцией провидца, шамана, демиурга, понимающего голос бытия, имев-

¹ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма. Москва: Книговек, 2010. С. 271.

² Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 1. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017. С. 99. EDN: ZHUGWT

³ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма. Москва: Книговек, 2010. С. 21.

шего с ним неразрывную тайную связь, сокрытую для других непосвященных: «Вот я стою, / Вот я иду, / Словно таинственной речи я жду // Эта заря, / Эта весна / Так непостижна, зато так ясна!» (стихотворение «Сад весь в цвету...»)¹. Этот образ поэта-миста (*vates* – от лат. пророк, провидец, поэт), сочетающий в себе мировоззренческий иррационализм, родственный ритуально-культурному озарению, выраженному слиянием сознания субъективного лирического «я» с объективным бытием, ярко показан на лексико-стилистическом уровне, к примеру, через фигуру тождества – гендиадиса²: «Вот я стою, / Вот я иду, / Вот я иду...» вместо «Вот я стою и иду...»; «Эта заря, / Эта весна...» вместо «Эта весенняя заря...». (Нельзя также не заметить, что частотность использования повтора в данном фрагменте нарочито избыточна, что свидетельствует о его особой значимости, приданной ему и выделяющейся на фоне остальных характерологических особенностей стихотворения.) Все в данном стихотворении подчинено идее посвящения Природе как наделенной божественной силой субстанции, воспроизводящейся в образной топике, имитирующей состояние мистического экстаза с его переполненностью яркими вегетативными образами *озарения, осияния*: «Сад весь в цвету, / Вечер в огне, / Так освежительно-радостно мне»³.

Концепция ЛКП в творчестве И. Бродского, что вполне объяснимо следствием ее полижанровости, представлена циклом эклог, поскольку общеизвестно, что сам жанр генетически восходит к общему роду идиллической лирики (преимущественно с пастушеской тематикой), помещающей человека в окружение естественно-природного бытия (хронотоп «приятного уголка», по Э. Р. Курциусу), для которой характерно использование имплицитной мнемонической установки на воспроизведение золотого века (рая) на земле. Бродский вместе с данными концептами продолжает в рамках традиционного «пейзажного» мировидения использовать образную систему, ассоциативно-суггестивный ряд, подающийся посредством дескриптивной динамики лирической речи. Важнейшим маркером эклоговых произведений поэта является субъектный образ визионера, высматривающий в окружающем мире почти иконописные образы, о чем сообщается с нескрываемым удивлением: «...Вглядись в пространство! / в его одинаковое убранство / поблизости и вдалеке! в упрямяство...» (Эклога 5-я (Летняя), 1981)⁴. Субъект-визионер, что особенно важно, архетипически соотносится с амплуа древнего наблюдателя-звездочета, о чем свидетельствуют взятые из космического лексикона образы: «...Всякое тело, рано / или поздно, становится пищею *телескопа*: / остывает с годами, удаляется от *светила* / Стекло зацветает сложным узором...» (Эклога 4-я (Зимняя), 1977)⁵.

Приведенные примеры произведений ЛКП в русской лирике дают основание для понимания того, что контекстура памяти, заключающаяся в сохранении архетипиче-

¹ Фет А. А. Стихотворения, поэмы, переводы. Москва: Правда, 1985. С. 85.

² Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. С. 33.

³ Фет А. А. Стихотворения, поэмы, переводы. Москва: Правда, 1985. С. 85.

⁴ Бродский И. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2018. С. 442.

⁵ Там же. С. 436.

ских представлений о взаимосвязи наблюдения за небесными явлениями и светилами со сменой времен года, на которую те оказывают влияние, переносится на субъектный образ (лирический субъект), подвергая его объективации и типизации. Под воздействием этих обстоятельств он выполняет роль транслятора и интерпретатора должного, уже известного, которое представляется субъектом в фокусе зрения. В субъектном образе реконструируется жрец – тот самый архаический наблюдатель, предсказатель и толкователь природных явлений и принадлежащих им особенностей, способствующих успешному ведению домохозяйствования. Наблюдения за погодно-природными явлениями он совершает, что предположительно в контексте циклического хронотопа лирической ситуации, из древних мегалитических обсерваторий, играющих важнейшую роль в истории человечества. Кроме того, сама циклическая композиция ЛКП также поддается влиянию архаического миропредставления, в основе которого лежит универсальная круговая форма. Все это в комплексе накладывается на аналогичное оборотно-годовое содержание смены природного состояния, образуя художественное нераздельное единство космоса – человека – поэзии. В такой унифицированной концепции ЛКП очевидна очень простая идея гармонии целого (мир – космос) с его частями (человек), видимая проекция чего иллюстрируется как раз образом круга и его семантическими дериватами и коннотативами – вращением, возвращением, обновлением, воскрешением и т. д., словно наглядно демонстрирующими непрестанный закон природы – «вечный ритм смены бытия и небытия»¹. Недаром во всех религиях мира круг, шар представляется сакральной фигурой, отражающей идеальное устройство вселенной.

Очевидная полижанровость ЛКП в силу обнаруживаемых унифицированных атрибутов (устойчиво-типичный образ лирического субъекта-визионера, циклическая репрезентация времени) способствует наделению ее статусом метажанра, снимающего жанровую конкретику, обозначенную в отдельных случаях в номинации произведений, входящих в ее состав. Кроме того, сам художественно-поэтический принцип цикличности, имеющий много общего с идиллическим мироотношением, оставаясь во власти целостного ротационного потока времени, с помощью «памяти жанра» переносит повторы в структуру поэтики произведений. Они реализуются на разных уровнях художественного самыми разнообразными фигурами поэтической речи. В нижецитируемом фрагменте Пастернака для представления темпоральной перманентности используется повторенная дважды – в начале и конце – глагольная предикация одного из самых нагруженных мифопоэтических образов – *огня*, несущего вечную семантику первотворения. Причем из символизма слова «огненный» понятно, что время в нем определяется как статическая в своей бесконечной итерации и не имеющая финального разрешения сущность: «И день *сгорал*, давно остановив / Часы и кровь в мучительно великом / Просторе долго, без конца *горев...*»². Вследствие такого понимания времени в качестве константы, в образе огня легко реконструируются как минимум два прасимвола, две культурно-мифологических

¹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. Москва: ВЛАДОС, 1996. С. 99.

² Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1985. С. 155.

первоосновы (концепта) – Огонь-Логос Гераклита и птица Феникс. Именно в них обнаруживается тотальная обратимость (цикличность), характерная для КП вообще, в основных своих постулатах (образ субъекта-визионера в амплуа жреца, зодчего, звездочета, астролога; реконструирующийся хронотоп древних мегалитических обсерваторий и т. д.), подражающих природосообразному течению времени-бытия, а значит памятующему о нем посредством бесконечной круговерти мифа «о вечном возвращении тождественного», в котором сознание субъекта и самосознание природы – когерентны и сопоставимы как часть и целое, не могущие существовать отдельно друг от друга. Топика повторов, кроме представленного стихотворения Пастернака, также без труда выявляется в приводимом выше произведении Фета и других лирических творениях ЛКП.

Выводы

Исследование вариантов ЛКП в мнемоническом аспекте позволило выявить ряд присущих ей особенностей, характеризующих ее поэтику. Так, с точки зрения универсально-философской (мировоззренческой), в ЛКП циклически запечатлен действующий мифологический принцип «вечного повторения тождественного» (Ф. Ницше), коррелирующийся с феноменом прапамяти и который в частном (внутри текста произведения) порядке отражается на структурно-композиционном и образно-семантическом уровнях в виде звуковых, лексических и синтаксических итераций (повторов). Со стороны технической и эстетико-эпистемологической, повторы являются тем средством, с помощью которого могли легко запоминаться тождественные сезонные события, что в архаических условиях отсутствия письменности являлось крайне удобным и практически оправданным. Круговая организация поэтики в ЛКП прослеживается и на уровне субъектной организации: в ней восстанавливается, а в поэтическом контексте – интуитивно и по памяти традиции воспроизводится образ жреца-визионера, наблюдающего за циклическим движением светил, приводящих в повторяемую из года в год последовательную смену сезонов, сохраняющих соответствующие им погодно-природные особенности. Таким образом, ЛКП в своей поэтико-поэтологической основе имеет мнемонический потенциал, детерминирующий присутствие в ней принципа циклической организации стихотворного текста и соответствующего ему типа мироотношения.

Список литературы / References

Бальмонт К. Д. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Сонеты солнца, меда и луны: Песня миров; Голубая подкова: Стихи о Сибири; Под новым серпом: Роман; Воздушный путь: Рассказы; Три расцвета: Драма.* Москва: Книговек, 2010. 528 с.

Bal'mont K. D. *Collected works: in 7 vols. Vol. 5. Sonnets of the sun, honey and moon: Song of the Worlds; Blue Horseshoe: Poems about Siberia; Under the new sickle: Novel; Air way: Stories; Three blossoms: Drama.* Moscow: Knigovek, 2010. 528 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского.* Москва: Советский писатель, 1963. 363 с.

Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics.* Moscow: Sovetskii pisatel', 1963. 363 p. (In Russ.)

Бродский И. *Малое собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2018. 880 с.
Brodskii I. *A small collection of works*. St Petersburg: Azbuka-Attikus, 2018. 880 p. (In Russ.)

Гаспаров М. Л. *О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики*. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. 476 с.

Gasparov M. L. *About Russian poetry: Analyses. Interpretations. Characteristics*. St Petersburg: Azbuka, 2001. 476 p. (In Russ.)

Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания). *Антропология времени: сборник научных статей в 2 ч. Ч. 1*. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017, с. 95–104. EDN: ZHUGWT

Ivaniuk B. P. Genre representation of time in world poetry (experience of system description). *Anthropology of time: collection of scientific articles: in 2 parts. Part 1*. Grodno: Grodnenskii gosudarstvennyi universitet im. Ianki Kupaly, 2017, pp. 95–104. (In Russ.) EDN: ZHUGWT

Иванюк Б. П. Календарная поэзия: словарная версия. *Philologos*, 2016, № 3 (30), с. 21–27.

Ivaniuk B. P. Calendar poetry: dictionary version. *Philologos Journal*, 2016, no. 3 (30), pp. 21–27. (In Russ.)

Маковский М. М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. Москва: ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Maikovskii M. M. *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: The image of the world and the worlds of images*. Moscow: VLADOS, 1996. 416 p. (In Russ.)

Мальцев В. Ю. *Иван Бунин: 1870–1953*. Москва: Посев, 1994. 432 с.

Mal'tsev V. Yu. *Ivan Bunin: 1870–1953*. Moscow: Posev, 1994. 432 p. (In Russ.)

Пастернак Б. Л. *Избранное: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы*. Москва: Художественная литература, 1985. 622 с.

Pasternak B. L. *Selected works: in 2 vols. Vol. 1. Pieces of poetry and poems*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1985. 622 p. (In Russ.)

Случевский К. К. *Стихотворения и поэмы*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 814 с.

Sluchevskii K. K. *Pieces of poetry and poems*. St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004. 814 p. (In Russ.)

Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 649 с.

Trubetskoi E. N. *The meaning of life*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 649 p. (In Russ.)

Фет А. А. *Стихотворения, поэмы, переводы*. Москва: Правда, 1985. 559 с.

Fet A. A. *Pieces of poetry, poems, translations*. Moscow: Pravda, 1985. 559 p. (In Russ.)

Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2011, № 6, с. 131–138.

Flerko L. V. Towards the question of calendar cycles in lyrics. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2011, no. 6, pp. 131–138. (In Russ.)

Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва: Академический проект, 2001. 240 с.
Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 240 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сергей Викторович Жиликов – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>, szhil@list.ru, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал) (д. 18, мкр. Солнечный, 309502 Старый Оскол, Россия); **Sergey V. Zhilyakov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>, szhil@list.ru, Belgorod National Research University (Stary Oskol branch) (18, mkr. Solnechny, 309502 Stary Oskol, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 23.09.2024.

The article was submitted 02.08.2024; Approved after reviewing 30.08.2024; Accepted for publication 23.09.2024.